

А.А. Селин. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб.: Издательство «Русско-балтийский информационный центр “Блиц”», 2008. 752 с.

В 2008 г. в Санкт-Петербурге была опубликована монография А.А. Селина, ученого, успевшего зарекомендовать себя как авторитетного и знающего специалиста по истории Новгородского края XVI–XVII вв. Главным объектом рассмотрения исследователя в данной книге стала жизнь служилого люда Новгородской земли в период Смуты, преимущественно – периода пребывания в Новгороде шведских войск (1611–1617 гг.). Работа эта, выполненная при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, Российского гуманитарного научного фонда и Шведского института, сразу вызвала повышенное внимание специалистов по истории России начала XVII в. Причиной тому является в числе прочего то, что освещаемый в книге временной период, в силу ряда обстоятельств, приковывает в последние годы внимание как ученых, так и самых широких кругов российской общественности. В немалой степени интерес к исследованию Селина объясняется и тем, что оно лежит в русле новейшего подхода к истории прошлого – «истории повседневности». В редакцию «Российской истории» поступили две рецензии на монографию Селина, написанные, соответственно, российским и шведским исследователями. Нам представляется, что именно так – с двух сторон, российской и шведской, следует оценивать, насколько успешно автор сумел проанализировать вопросы взаимоотношений России и Швеции и судьбы Новгорода в эпоху Смуты.

***В.А. Аракчеев (Псковский государственный педагогический университет)
Археология Смуты***

Новая монография А.А. Селина¹ стала логическим продолжением прежних изысканий автора и тоже посвящена истории Новгородской земли². Перед нами очередная книга о первой гражданской войне в истории России, проблеме, которая привлекает современных историков связью с нашим недавним прошлым. Однако интерес исследователей к Смуте вызывается не только их рефлексией на темы актуальной политики; начиная с С.Ф. Платонова, Смута является тем оселком, на котором историки оттачивали свое мастерство в изображении социальной динамики на российских источниках.

Посему крайне интересно обозначить место новой книги в богатой и разнообразной историографии первой гражданской войны. Автор определяет свою книгу как просопографическое исследование, целью которого является «реконструкция социальной картины общества на основе изучения биографий его представителей» (с. 7). Однако Селин вводит в книгу и историко-географическую составляющую, подразумевающую описание Северо-Запада России как арены действия героев книги.

Вторая глава книги Селина посвящена историографии проблемы. Автор учел весь спектр исследований Смуты, истории Новгорода и конкретно материалов оккупационного архива. Глава третья посвящена исторической географии, и здесь читателя ожидает первый сюрприз. В насыщенной свежим материалом, фееически богатой точными наблюдениями главе, где имеются описания пригородов, острогов, дорог, нет описания самого Новгорода. Узнать о функционировании системы посадского самоуправления в городе, связи этой системы с административно-территориальным делением Новгорода в годы оккупации было бы крайне интересно, и отсутствие этих сведений представляет собой досадную лагуну исследования. Автор в полной мере отдает себе в этом отчет, когда, приступая к описанию социальной структуры оккупированной шведами территории, обозначает как «заведомый недостаток» своего труда то, что в нем не представлены такие активные социальные группы, как посадские люди и церковники (с. 482). Данный недостаток объясняется, конечно, не субъективным пристрастием автора к изучению служилого сословия, а двумя объективными обстоятельствами: корпусом источников и методом исследования.

Тема книги Селина, во-первых, определена основным источником для изучения истории Новгорода в период Смуты – фондом Новгородской приказной избы из Государственного архива Швеции. Более 500 делопроизводственных документов 1611–1616 гг., относящихся к одному региону, представляют собой большую редкость для российских архивов, чьи фонды содержат лишь разрозненные коллекции источников до 1626 г. Однако подавляющая часть документов шведского оккупационного архива относится непосредственно к Новгородской земле, а не к ее столице, что порождает значительные трудности для реконструкции жизни города Новгорода в период оккупации.

Между тем сведения о количестве дворов посадского населения на 1607 и 1623 гг. в научный оборот были введены еще четверть века назад³. Каковы были причины резкого уменьшения численности посадского населения между переписями 1607 и 1623 гг.? Когда произошел основной отток населения из Новгорода: в период оккупации или после? На эти вопросы в книге о новгородском обществе ответа нет, что частично объясняется методом, примененным автором к источникам. Этот метод родственен методам археологии, которые вынуждают исследователя довольствоваться наличным культурным слоем. Тот слой, который был «снят» Селиным в результате исследования документов новгородского оккупационного архива, несет богатую и разнообразную информацию об отношениях службы помещиков и приказных, фискальной политике, военных действиях в пятинах Новгородской земли. А та часть сохранившегося слоя источников, которая содержала сведения о положении посадского населения, в стратиграфии исторического массива отсутствует, и этот пласт жизни общества оказался недоступен исследователю.

Остановимся подробнее на содержании книги и на основных достижениях автора. Интереснейший материал представлен в параграфе третьей главы «Дороги», в которой Селин не только реконструировал систему путей Новгородской земли, но и предложил модель маршрутов передвижений стрельцов, как бежавших из плена, так и отправленных в разведку из Тихвина (с. 288–290). Несомненный интерес представляет и параграф «Географические представления новгородцев», из которого выясняется, что эти представления зачастую вполне соответствовали мировосприятию людей Нового времени. Весьма значимым является вывод о запустении целых погостов, например, Климентовского Тесовского, где за полным отсутствием крестьян население составляли исключительно помещики (с. 322).

Четвертая глава книги Селина названа «Политическая история и хронология». В ней содержится анализ политических событий в Новгородской земле, относящихся непосредственно к Новгороду (с. 336–395), некоторым историческим деятелям (с. 395–405) и соседним городам (с. 416–454). Селин констатирует, что переговоры новгородцев со шведами начались еще до прибытия в город представителей Первого ополчения, не позднее 23 марта 1611 г. Автор определяет даты различных этапов переговорного процесса по сборнику памятей о выдаче вина. В начале мая в Новгород прибыли посланцы П. Ляпунова и Д. Трубецкого – В. Бутурлин, кн. С. Звенигородский и Д. Софонов, которые вели переговоры с Делаярди вплоть до 8 июля, когда переговорный процесс был сорван нападением новгородцев на шведские войска (с. 350–356). Коль скоро взятие Новгорода 16–17 июля подробно рассматривалось Г.А. Замятым, П.В. Седовым и другими исследователями, автор ограничился констатацией этого факта и упоминанием договора от 25 июля между Новгородом и Делаярди.

С заключением этого договора многие исследователи связывают начало нового – шведского – этапа в истории Новгорода. В историографии предложены три концепции периода 1611–1617 гг. в истории Новгорода. Л.Е. Морозова полагает, что в это время «фактически» существовало «отдельное Новгородское государство во главе со шведским принцем Карлом Филиппом»⁴. С.Ф. Платонов считал, что Новгород был присоединен к Швеции «на условиях политической унии», однако реальное положение вещей в Новгороде контрастировало с условиями договора⁵. Определив период 1611–1617 гг. как время «оккупации», Платонов положил начало влиятельной исто-

риографической традиции, в русле которой находится современная исследовательница Е.И. Кобзарева⁶.

Селин в развитие примененного Платоновым к Новгороду определения «политическая уния» ввел в научный дискурс понятие «новгородско-шведский политический альянс». Этот альянс понимается им как образование, «порядок, в котором должны были поддерживать шведские военные гарнизоны, руководимые офицерами, а обеспечение этих войск должны были взять на себя новгородские дворяне». Автор далек от идеализации русско-шведских отношений этого времени и отмечает «кризис альянса» в 1614–1615 гг., сопровождавшийся увеличением численности войск, попытками аннексии новгородских земель и усилившимся фискальным давлением шведской военной администрации (с. 693).

Выясним, насколько применимо к новгородско-шведским отношениям понятие «политического альянса». Казалось бы, предмет спора отсутствует, коль скоро сами шведские историки называют коллекцию русских документов «Оккупационным архивом из Новгорода». Но теоретические проблемы не решаются на основании архивных ярлыков, поэтому попытаемся рассмотреть доступные анализу факты.

Некоторый материал для суждений предоставляет, во-первых, исследование административных практик на оккупированных территориях. Следует заметить, что ряд фактов свидетельствует в пользу концепции Селина. Шведская военная администрация не привнесла в систему управления Новгородской землей чего-то принципиально нового. Из наиболее тягостных видов повинностей в Новгородской земле сохранялась традиционная посошная, или помостная повинность, когда, например, летом 1613 г. «Карачюницкого и Болчинского погоста посошные люди» должны были мостить дорогу на Ивангород (с. 293). Традиционной повинностью была и сдача крестьянами дворцовых сел «пятинного хлеба» в царские житницы, однако то, какой характер приобрела эта повинность под шведской властью, заставляет усомниться в равноправии русских и шведов. Проанализировав приходную книгу Бельского острожка 1612 г., Селин показал, что новгородские дети боярские были приставлены к сбору и молотье хлеба для шведских войск (с. 500–502). Использование дворян, пусть даже мелкопоместных, для сбора контрибуции выводило их за рамки союзнических отношений со шведами.

Во-вторых, зададимся вопросом о том, что означало шведское присутствие в Новгороде по статьям договора 25 июля 1611 г. Новгород признавал шведского короля Карла IX своим покровителем и предусматривал избрание одного из его сыновей великим князем Новгородского «государства», или даже Московского и Владимирского «государств». Договор подтверждал права монастырей и помещиков на земли и населявших их крестьян. Судопроизводство должно было осуществляться «по старине», а позиции православной Церкви оставались непоколебимыми, но никаких ограничений власти шведского принца не предусматривалось. Если описанный порядок управления Новгородом определять как альянс, то уместно задать вопрос, с кем шведская военная администрация его заключила, и против кого он был направлен? Как и русско-польский договор 17 августа 1610 г., соглашение 25 июля было заключено оккупационными властями с местным дворянством и бюрократией, занимавшими в Новгороде положение, аналогичное московскому боярству, а тяглое население, и, прежде всего, социально активное посадское, оказалось вне его рамок. Направлен же этот альянс был против Речи Посполитой и Сигизмунда III, о чем недвусмысленно утверждалось в первой же статье договора⁷.

По логике вещей, находящей себе опору в соответствующих формулировках договоров, можно было бы заключить, что если на Северо-Западе России существовал новгородско-шведский альянс 1611–1617 гг., то в центре страны сложился московско-польский альянс 1610–1612 гг., развалившийся под ударами Второго ополчения. Ведь нетрудно заметить, что по перечисленным параметрам новгородско-шведский договор 25 июля 1611 г. соответствует московскому соглашению с Польшей 17 августа 1610 г.

Не останавливаясь на констатации этого соответствия, сопоставим 2 важнейших для обсуждаемой проблемы статьи соглашений, касавшиеся порядка управления и

присутствия вооруженных сил. Русско-польским договором 1610 г. предусматривалось сосредоточение всех административных постов только у русских: «А польским и литовским людям на Москве ни у каких земских расправных дел, и по городам в воеводах и в приказных людех не быти, и в наместничество и в староство городов польским и литовским людям не давати». Новгородско-шведским договором предусматривалось паритетное присутствие русских и шведов в суде, и никаких гарантий на будущее о невключении шведов в состав местной администрации не давалось. Сам автор признает, что верховное руководство новгородскими приказами в период существования «альянса» осуществлял шведский уполномоченный М.М. Пальм (с. 560).

По соглашению 17 августа 1610 г. поляки обязывались «очистить» города, захваченные польско-литовскими войсками и «тушинским вормом», не говоря уже о находившихся в тот момент в руках русских Москве и Смоленске. В договоре 25 июля 1611 г. декларировалась покорность населения городов и уездов одному из шведских престолонаследников и определялся порядок расквартирования шведских войск в пределах Новгородской земли, в особенности в Новгороде, откуда местным жителям запрещалось самовольно выезжать в деревни⁸. Несомненно, договор 1611 г. ставил Новгородскую землю в несравненно худшие условия, чем даже договор с поляками 17 августа 1610 г. Последнее соглашение, разработанное при непосредственном участии С. Жолкевского, если бы оно было выполнено, означало бы прекращение польской интервенции. Срыв переговоров под Смоленском, ввод польских войск в Москву в начале октября 1610 г. ознаменовали переход Польши к оккупационной политике. Заключившие договор с новгородцами спустя 9 месяцев после оккупации Москвы, шведы не могли не воспользоваться безысходным положением русских, хотя первоначально были готовы к компромиссу.

Рассмотрим предысторию договора 25 июля 1611 г. Г.М. Коваленко показал, что этому соглашению предшествовали переговоры со шведами в мае–июне 1611 г., результатом которых стал составленный в Новгородской приказной избе проект⁹. Согласно этому документу, Делагарди должен был очистить Ям, Ивангород, Копорье и Гдов от оставленных там Лисовским и подчиненных «псковскому вору» гарнизонов и вернуть города в состав Русского государства. Шведским войскам предписывалось «в Новгородской земле не стояти и пустошити ратным людям не велети». Наконец, в проекте не было сказано ни слова об избрании представителей шведской королевской династии на новгородский трон¹⁰. Если бы именно этот документ лег в основу будущего договора со Швецией, то образовавшаяся в результате его заключения конструкция можно было бы с полным правом именовать «новгородско-шведским политическим альянсом». Именно первоначальный проект новгородско-шведского договора в некоторой степени сопоставим с русско-польским соглашением 17 августа 1610 г., коль скоро оба они предполагали вывод войск интервентов, и в обсуждении их условий участвовали выборные люди¹¹. Ввод польских войск в Москву, а также вооруженный захват Новгорода шведами 16–17 июля 1611 г. свели на нет намерения выборных людей. Существенное отличие ситуации на Северо-Западе России от положения дел в Москве состояло в том, что оккупация Новгородской земли шведскими войсками была обусловлена договором 25 июля, в то время как поляки перешли к оккупации центра страны в нарушение договора 17 августа.

Наконец, следует отметить резкое изменение отношения новгородцев к шведам после утверждения на московском троне Михаила Романова. Селин отмечает десятки фактов перехода новгородских помещиков на службу в Псков в 1613–1615 гг., тут же отмечая и продолжавшиеся переходы псковичей в Новгород (с. 437, 443). Существенно важным является социальный состав отъезжавших: если в Псков отъезжали преимущественно служилые люди, то в Новгород – казаки. Немаловажным фактором, свидетельствующим о новгородско-шведских коллизиях, является отношение новгородцев к провозглашению своим государем представителей королевской династии в 1614–1615 гг. Отказ от присяги Густаву Адольфу Селин отмечает в контексте завязавшихся переговоров о заключении мира (с. 378–379), но этот отказ можно рассматривать и как одно

из проявлений отношения новгородцев к шведам как к оккупантам. Перечисленные аргументы, с моей точки зрения, делают предложенное Селиным определение «новгородско-шведский политический альянс» крайне уязвимым и заставляют вернуться к традиционной трактовке этого периода как времени оккупации, сопровождавшейся утверждением контрибуционных форм зависимости.

Из недостатков следует отметить некоторую фрагментарность в описании политических событий в стране. Слишком пунктирно и неточно отмечены события 1608–1609 гг. в Пскове. Псковские помещики и стрельцы прибыли в Псков в мае 1608 г. из-под Болхова, где войска Шуйского 30 апреля–1 мая были разбиты Лжедмитрием II, а не из Москвы (с. 417). Переход Пскова под власть тушинского воеводы Плещеева произошел не летом 1609 г. (с. 417), а 1 сентября 1608 г. Описывая захват Новгорода шведами летом 1611 г., синхронный гибели под Москвой Прокопия Ляпунова, Селин пишет: «Вскоре ополчение во главе с кн. Трубецким признало царем Псковского вора – т.н. Лжедмитрия III» (с. 358). Между тем, признание государем Лжедмитрия III Первым ополчением состоялось лишь в марте 1612 г., и между этими датами прошло 8 месяцев, наполненных множеством событий.

Одним из интереснейших и продуктивных разделов монографии Селина является исследование им важнейшего феномена Смуты – измены. Автор вполне резонно отказывается от буквального следования характеристикам того или иного деятеля Смутного времени как «изменника». Эрозия государства и понятия верной службы «без отъезду» оказалась настолько всеобъемлющей, что и понятие «измены» стало ярлыком, наклеивавшимся на человека в зависимости от межличностных взаимоотношений и очень часто в случае конфликтов из-за поместий. «Изнамена входила в повседневную практику», – пишет Селин, и этот вывод вполне правомерен в контексте девальвации понятия «правды» (с. 464). Принципиально важным является также то обстоятельство, что после Смуты в качестве «изменников» рассматривались лишь байоры Аминев, Калитин, Клементьев, Пересветов, Чеботеев (с. 465). Селину удалось зафиксировать явление, которое пыльным цветом расцвело преимущественно в южных районах России. Речь идет о «Тесовском круге» – сходе служилых людей или всех жителей Тесовского острожка, где принимались, в том числе, решения о возвращении занятых «изменниками» поместий (с. 458). Феномен казачьего круга, таким образом, проявлялся даже в Новгородской земле, правда, еще до шведской оккупации.

В высшей степени интересной является пятая глава монографии «Общественные группы Новгорода начала XVII в.». Из ее материала вырисовываются серьезные изменения, происходившие в положении служилого сословия, такие, как прекращение денежных раздач детям боярским и самой практики верстания окладами (с. 492). Если поставить этот факт в связь с двумя другими отмеченными выше явлениями – участием служилых людей в надзоре за сбором и обмолотом хлеба для шведов, а также в появлении территорий, где вместо крестьян в деревнях живут одни помещики – то напрашивается вывод о преднамеренной политике шведских оккупационных властей в отношении новгородских детей боярских. Лишенные денежного оклада и соответствующего места в служилой иерархии, собиравшие для шведов хлеб, часть из которого они, видимо, получали в виде хлебных раздач, помещики Тесовского острожка напоминают крестьян и солдат аракчеевских военных поселений 1817–1857 гг., размещенных как раз на территории Новгородской губ. Осознавая всю произвольность данной аналогии, отметим явное умаление роли мелкопоместных служилых людей Новгородской земли в ее социальной структуре в период оккупации.

Важное научное значение имеет осуществленный Селиным анализ землевладения и социального положения своеземцев. В науке было известно о том, что эти реликтовые группы землевладельцев сохранились в Новгородской земле до XVII в., но исследование их реального положения является несомненной заслугой автора рецензируемой монографии. Крайне интересным представляется изучение служб и судеб чиновников новгородских приказов. Новаторский характер носит исследование стратегий поведения и повседневной жизни новгородцев, а также взаимоотношений новгородцев и шве-

дов в период оккупации, в которых не было принципиального антагонизма. Пристальное внимание к таким феноменам, как брак и семья, вдовство, девиантное поведение обнаруживают еще одну важную составляющую книги Селина – антропологический подход со свойственным ему стремлением изучить не только контуры, но саму суть повседневности.

Вышесказанное позволяет определить рецензируемую монографию как труд, органично дополняющий наши знания о Смутном времени. Глубинное истолкование источников, относящихся к одному региону, позволило более выпукло и зримо представить эту эпоху как период государственной дезинтеграции и архаизации общества, которое на глазах утрачивало сложившийся иерархический порядок (оказачивание на Юге страны, окрестьянивание дворянства на Северо-Западе). Примененный автором метод работы лишь с теми источниками, которые дают полный ответ на поставленные вопросы, принес весомые научные результаты.

Э. Лефstrand (Стокгольмский университет)
Новая монография о Новгороде в эпоху Смуты

Смута в России в начале XVII в. явилась переломным пунктом в истории страны. Не одно поколение русских историков посвящало свои труды изучению этого периода. Одной из последних работ является монументальный труд Адриана Селина «Новгородское общество в эпоху Смуты». В книге рассматривается одна из наименее изученных исследователями областей – Новгород и Новгородская земля этого периода.

Новгород времен Смуты является точкой пересечения русской и шведской истории, поэтому книга представляет большой интерес и для шведских специалистов. К тому же большая часть источников хранится в Швеции в Государственном архиве – так называемом Новгородском оккупационном архиве. Как известно, Новгород был взят шведскими войсками под командованием 26-летнего генерал-лейтенанта Якова Делагарди 16 июля 1611 г., что послужило началом шестилетнего присутствия шведских войск в самом городе и Новгородской земле. В отличие от многих других исследователей, Селин не использует термин *оккупация*, а говорит о *политическом альянсе* между Новгородом и Швецией.

Главным источником материалов к монографии Селина является собрание документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции и получивших название Новгородский оккупационный архив. Оно является крупнейшим собранием архивных материалов, содержащим около 20 тыс. листов, и представляет типичный русский государственный архив. Архив был вывезен Яковом Делагарди после заключения Столбовского мира. В конце XVII в. документы попали в Государственный архив в Стокгольме. Уникальность архива заключается не столько в содержании документов, сколько в их значительном объеме и сложности. Когда осенью 1999 г. Селин впервые получил возможность ознакомиться с материалом, у него появилась идея создания большого текста, повествующего о людях, живших в Новгороде в начале XVII в.

Использование биографических, социологических и демографических методов дало бы возможность изучить дружеские и семейные связи и внутрисемейные отношения новгородцев, их политические взгляды, повседневную жизнь, стратегии выживания и возможности продвижения по службе. Возможно, удалось бы получить труднодоступную информацию и о морали и моральных нормах людей. С этой целью Селин создал базу данных, в которую вводились биографические данные служилых людей. В настоящий момент она включает описание около 4 600 лиц. Эта обширная подборка материалов была сделана за сравнительно короткий срок, труд автора заслуживает всяческого уважения. За 7 лет Селин собрал и проанализировал огромный материал, представленный в рецензируемой книге.

В шести главах монографии Селина рассматриваются различные аспекты Смутного времени и новгородского общества. Источники для исследования подробно описываются во вступительной главе монографии. Большой заслугой автора является то,

что, помимо Оккупационного архива, он пользуется источниками из многих других архивных коллекций, например, материалами РГАДА. Интересно отметить также, что материалы РГАДА изучались по микрофильмам, хранящимся в Государственном архиве в Стокгольме.

В монографии описываются разные типы документов Оккупационного архива. Это описание время от времени прерывается отступлениями о других исторических источниках, которые можно было бы собрать в другом месте. Иногда автор вставляет целые очерки, посвященные какому-то отдельному вопросу, в результате чего заголовок раздела не совсем совпадает с его содержанием. Так, например, делается подробное отступление об архивных документах о Старой Руссе. В конце этой первой главы монографии приводится ряд систематических и хорошо выработанных приложений, представляющих своего рода каталог Оккупационного архива.

Во второй главе дается подробный обзор историографии на русском языке. В обзор включена литература, в которой рассматриваются общие проблемы, связанные с данной тематикой, такие как события Смуты и их влияние на общество, а также работы, посвященные изучению Новгородской земли, ее различных социальных групп и повседневного быта. В главе говорится и о полемике историков по разным вопросам, интересно освещается столкновение различных мнений. Селин также вступает в полемику, иногда слишком обстоятельно, что несколько снижает высокий уровень работы.

Третья глава, «Историческая география», связана с предыдущим исследованием Селина о Новгороде. Она оказывается за пределами первоначального замысла книги. В то же время она является уместной в работе, поскольку культурно-географические отношения тесно связаны с жизнью людей и обществом, которое они создавали. В главе дается описание городов и крепостей, острожков и дорог, которое дополняется картами. Особый интерес представляет раздел о представлениях населения о географии и расстояниях в условиях, когда карты были большой редкостью, и людям оставалось полагаться на собственные наблюдения или опыт других.

Шведы жаловались на плохие дороги в России, что затрудняло продвижение войск. Жалкое состояние Ореховской дороги считалось главной причиной неудачи военного похода на Новгород в 1582 г. Селин приводит описание одного из участников похода, в котором говорится о передвижении войск в «Мартинов день». В сноске Селин поясняет, что, по всей видимости, имеется в виду день св. Мартина I, папы Римского, празднуемого 13 апреля. Скорее речь идет о святом Мартине Турском, память которого отмечается 11 ноября. Мартин Турский один из немногих католических святых, память которого и по сей день чтят в Швеции.

В четвертой главе Селин представляет политическую историю и хронологию Смуты. Он разделяет взгляды Х. Альмквиста и Г. Замятина на кандидатуру Карла Филиппа, придерживающихся мнения, что антипольские силы рассматривали шведского принца как потенциальный объединяющий фактор. Имея шведского царя на престоле, Россия вряд ли была бы вынуждена уступать свои земли Швеции. Юный возраст принца – ему было всего 10 лет – не считался помехой, скорее наоборот. Вопрос о вере не был главным, как обычно считают. Требований о переходе в другую веру не выдвигалось, достаточно было гарантий уважительного отношения к православной Церкви. Большинство русских историков считало, что кандидатура Карла Филиппа на русский престол явилась звеном в политической цепочке, направленной на навязывание России шведского правления, и что эта идея была полностью неприемлема для российского самосознания.

Селин последовательно пишет о новгородско-шведском *альянсе*, в то время как Замятин в этом случае использовал термин *уния*. По всей видимости, термин выбран намеренно: альянс означает менее устойчивую связь, чем уния. По мнению Селина, в 1611 г. большинство новгородцев не считали Делагарди и его армию завоевателями. Он отмечает, что обращение к Швеции за помощью не является чем-то недопустимым для новгородцев, это была соседняя страна, с которой был накоплен долгий опыт общения, пусть даже это общение носило в основном военный характер.

Особо следует выделить интересный раздел в четвертой главе, в котором рассматриваются 1610 и 1611 гг. – период осады Новгорода шведами, длившийся несколько месяцев и закончившийся взятием города и установлением совместного шведско-русского правления. В Оккупационном архиве хранится свиток, представляющий расходные росписи новгородского винного погребца. Исходя из анализа списка лиц, получавших водку, и даты получения, Селин смог установить, какие ключевые фигуры находились в тот момент в городе. Сухие цифры открыли возможность новых толкований политических событий.

Только со с. 482 начинаются две главы, являющиеся, судя по заголовку книги, центральными в монографии: общественные группы Новгорода начала XVII в., стратегии поведения и повседневная жизнь. Как отмечается во введении, в работе не дается всеохватывающая картина общества. В описание не попадают такие социальные группы, как торговцы, а крестьяне, женщины и дети упоминаются скорее случайно. В центре описания – дворяне и дети боярские. Они несли военную и гражданскую службу, за которую были поверстаны земельным окладом. По окончании службы поместье возвращалось государству. В Новгородской земле была нехватка земельных участков, и часто служилые люди получали в пользование лишь часть земли, на которую они имели право. Селин пишет: «Смысл жизни служилого человека заключался в борьбе за землю (желательно населенную), это его поглощало целиком. Большие номинальные оклады поддерживали это стремление». Эта ситуация отражается во многих документах Оккупационного архива: в челобитных, расследованиях и приговорах, в отдельных и дачных книгах. Селин описывает множество типичных и нетипичных человеческих судеб и создает, таким образом, широкую картину различных слоев служилых людей и условий их жизни. Одновременно демонстрируется уровень компетентности, с которой решались различные дела.

В пятой главе показаны также работа и организация различных приказов и распределение обязанностей между дьяками и подьячими. Как и в остальных главах, здесь отражены постепенные изменения в развитии политических отношений – заключение альянса в 1611 г., избрание Михаила Романова на престол и отклонение кандидатуры Карла Филиппа в 1613 г., новгородское посольство в Москву в 1615 г., усилившее антишведские настроения, а также последние месяцы перед заключением Столбовского мира, в течение которых шведское давление на общество настолько усилилось, что появились основания говорить об оккупации. Новгородцы, о которых пишет Селин, реагируют на события по-разному. В документах архива часто говорится об «измене», под которой имеются в виду поступки людей, бежавших из Новгорода и перешедших на сторону политических противников альянса. В разные периоды количество таких перебежчиков было различное. Объем материала позволяет сделать выводы о причинах измены и степени риска, которому они были готовы подвергнуть себя и свои семьи.

В последней главе монографии дается описание повседневной жизни новгородцев, стратегии выживания и возможности продвижения по службе. Реконструкция образа мыслей людей, живших в XVII в., является чрезвычайно сложной задачей, еще сложнее судить об их этических ценностях. Селин отмечает, что «именно кризисные эпохи наиболее подходят для исследования повседневной жизни, являясь своего рода моментом истины для людей прошлого». В то же время исторические источники обычно дают информацию об экономических отношениях, а остальные выводы можно делать только косвенно. Селин рассказывает о взглядах новгородцев на такие проблемы, как жизнь и смерть, семья и брак, отношения между различными поколениями, любовь и гомосексуализм. Следует подчеркнуть, что его выводы всегда основываются на конкретном материале, а не на обобщениях и догадках.

В этой главе есть интересный раздел о распространении новостей. Власти посылали своих лазутчиков в разные концы Новгородской земли для получения информации о том, что происходило в этих местах. Информацию и слухи получали и из допросов пленных, и от вернувшихся из поездок людей. В этих случаях, по всей видимости, пользовались неким «опросником», который настолько направлял информацию в

определенное русло, что в какой-то степени вредил сбору информации. Простые люди получали новости из распространявшихся слухов, которые обрастали все новыми подробностями.

Трудно перечислить всю интересную информацию, которую можно почерпнуть из этой замечательной книги. Самым большим достоинством работы является тщательный анализ огромного материала. Все утверждения основываются на конкретных документах. Желательно было бы перераспределить некоторый материал. Так, многие темы вплетаются в канву повествования нескольких глав. Было бы более целесообразно собрать их в одном месте.

Селин демонстрирует в работе прекрасное владение большим по объему и сложным материалом. Можно лишь сожалеть о том, что он не читает по-шведски. Сопоставление русских и шведских источников дало бы возможность получить много новой информации. В заключительной главе книги Селин отмечает, что «проблема новгородско-шведского политического альянса должна рассматриваться как проблема взаимоотношения двух соседских культур, имевших к 1611 г. значительный опыт взаимодействия». Конечно же, многолетние контакты со шведами оказали влияние на жизнь новгородцев. Здесь Селин показывает новые возможности для будущих исследований.

Шведу, читающему книгу Селина, небезынтересно узнать, что шведское присутствие в Новгороде способствовало усилению самоуважения среди дворян и детей боярских. Служилые люди стали относиться друг к другу с большим почтением. В заключение хочется отметить живой и яркий язык книги, которая читается с удовольствием.

Примечания

¹ Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. 752 с.

² Селин А.А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. СПб., 2003.

³ Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII в. Сб. документов. СПб., 2003. С. 59–60.

⁴ Морозова Л.Е. Смута в России в начале XVII в. в сочинениях ее современников // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 1999. С. 249–277.

⁵ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве. М., 1995. С. 357.

⁶ Кобзарева Е.И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005.

⁷ Памятники истории Смутного времени. М., 1909. № 23. С. 73–78.

⁸ Там же. № 16. С. 52–57; № 23. С. 73–78.

⁹ Коваленко Г.М. Договор между Новгородом и Швецией 1611 г. // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 134.

¹⁰ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. XXXV. Пг., 1917. № 126.

¹¹ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция и русское общество. М., 2005. С. 209.